Не было ни одного момента, когда я резко проснулся и понял, что я не та, кем должна быть.

Это был постепенный, медленный процесс, который оставил меня в равной степени сбитым с толку и потерянным, прежде чем закончиться ужасом и ужасом в равной степени.

Мое самое раннее воспоминание было скорее сенсацией. Я вполне отчетливо помню, как меня держали в воздухе на паре рук. (Потому что это было не правильно, я взрослый, что это где я где где где) но эмоции были странные? Я знала, что мне страшно, но не знала почему (я даже не была уверена, что понимаю, что такое страх).

Мои глаза не помогли. Все, что я мог видеть, были цвета (яркие, яркие, яркие) и едва заметные очертания формы. (Знакомое ? Где я это уже видел ?)

Это было так, так трудно сосредоточиться. То немногое, что я могу вспомнить, смутно, а полусформировавшиеся мысли будут отброшены и забыты с той же легкостью, что и дыхание. Я был ребенком с объемом внимания, который подразумевался.

Прежде всего, самые ранние воспоминания о моей жизни (моей новой жизни) были о том, как я смотрел на лицо. Длинные каштановые волосы падали по обеим сторонам одинаково вытянутого лица, белая кожа с зачатками бороды и поразительная пара глубоких серых глаз.

Однажды я потянулся к нему обеими руками (они такие маленькие, почему они такие маленькие, верно?) и в итоге ткнул мужчине в глаз

Руки, поддерживающие меня, шевельнулись, когда мужчина усмехнулся: «Взволнованные, мы? Я твой папа, Джон».

(Нет, ты не кто ты, что это, где я, кто я)

Однажды я узнал, что эти воспоминания сформировались в первые несколько недель моего рождения, когда Эддард Старк каждый день часами держал меня в своих руках, пока мы путешествовали из Дрона в Кингслендинг, а затем в Винтерфелл.

…

Мое прибытие в Винтерфелл ознаменовало медленное возвращение ко мне самосознания. Мои воспоминания все еще были бессвязными и невероятно трудными для понимания, но с каждым днем процесс становился все легче. Более того, я начал осознавать свое окружение.

Я провел большую часть своих ранних (сознательных) дней в кроватке, чередуя сон и мирное бодрствование, когда за мной не ухаживали мои кормилицы.

Лицо Эддарда Старка стало обычным явлением в моей жизни, наряду с двумя другими. Один был мужчина, каштановый, с красивыми (откуда я знаю, что означает это слово?) глазами еще более странными, чем у папы? (Нет!) Они были светло-фиолетового оттенка.

Третье лицо, которое я помню, было женское. Рыжие волосы, голубые глаза, и я мог бы даже считать ее красивой, если бы не ненавистная усмешка, превратившая ее лицо во что-то уродливое.

«Ублюдок», — выплюнула она, хотя ее голос едва ли можно было назвать шепотом, затем она развернулась и исчезла. Ее визиты были редки и редки.

Я видел ее меньше всего, но больше всего она оставалась в моих мыслях, потому что… ублюдок. Это слово было произнесено с такой ненавистью, что что-то шевельнулось во мне. Негодование, растерянность и… узнавание?

Что со мной происходило?

…

Однажды после моих вторых именин мне разрешили выйти из главного замка с Алариком (второе лицо, которое я помнил с детства). Я уже мог ходить, научился этому больше года назад (и какие слухи это принесло, когда бастард лорда Старка, который был похож на него и имел цвет кожи, научился ходить задолго до своего истинного сына. О, ненависть в глазах леди Кейтилин, когда она смотрела на меня, стоящего на своих двоих, в то время как ее сын оставался на коленях)

Аларик, как всегда, сопровождал меня. Он никогда не отходил от меня, оглядываясь назад. Всегда рядом, пусть присутствует. Он держал меня за руки, когда я делала первый шаг, он поднимал меня, когда я падала, и он исправлял мою прерывистую детскую речь и помогал мне улучшить ее задолго до того, как папа смог попробовать свои силы (и я мог сказать, что это было больно, когда он увидел, что я не я не зависела от него, могла видеть разочарование и боль в его глазах. Я ненавидела, что чувствовала себя виноватой, и я не знала, почему я это сделала).

Погруженный в свои мысли, я чуть не рухнул лицом в лужу грязи, прежде чем рука Аларика, державшая меня за запястье, подтянула меня и выпрямила.

"Осторожно, малыш" Его голос был теплым и глубоким, и так сильно отличался от северного картавия, столь распространенного в Винтерфелле "Не стоит так пачкать одежду"

Я усмехнулся: «Спасибо, Ларик».

Он улыбался "А-ла-рик

"Нет!" Я хихикнула: «Ларик — гораздо лучшее имя!»

«Возможно, — усмехнулся он, — как хочешь».

Его улыбка умерла быстрой смертью, когда мимо прошел гвардеец в серой кожаной одежде и бросил на меня взгляд с чистым пренебрежением: «Неестественный ублюдок».

Аларик обернулся, ярость была написана в его теле, но инстинкт, которого я еще не понимал, заставил меня крепко сжать его руку, когда он двинулся вперед. Он взглянул на меня, задержал взгляд на моем хмуром лице и покачал головой.

"Подойди, малышка" Он твердо потянул меня в другом направлении "Я считаю, что богороща - лучшее место, чтобы убежать от шепота"

И он не был застрахован от них. Наоборот, как иностранец в Вестеросе и компаньон (защитник и семья) знаменитого бастарда Винтерфелла, он дважды был чужаком, особенно в той части дома, которая сопровождала леди Старк из Речных земель после ее замужества. Он знал бы, как обращаться с шепотом лучше, чем кто-либо другой в крепости.

"Возможно," я попытался сделать голос более низким (и с треском провалился) "Как вы это

сделаете тогда"

На этот раз он откровенно рассмеялся, и мы отправились в богорощу. И это было путешествие, потому что Винтерфелл был колоссальной крепостью, раскинувшейся на несколько акров. Переход из одного конца в другой занимал заметное количество времени.

Это было красиво и величественно, и от того, что он не был самым большим со значительным отрывом, у меня заболела голова: «Интересно, насколько велик Харренхолл».

«Большой. Гораздо больше Винтерфелла. И с ужасающей красотой. Свидетельство силы драконов». Аларик ответил рассеянно, прежде чем вздрогнуть и бросить взгляд на меня: «Где ты слышал о Харренхолле?»

Я открыл рот, чтобы ответить, прежде чем сделать паузу (где где где?) «Я не знаю»

Аларик некоторое время с любопытством смотрел на меня. — Неважно, — мягко пробормотал он, но любопытная нотка осталась в его тоне. — Мы здесь.

Мой рот раскрылся от изумления, потому что это была самая величественно красивая вещь, которую я когда-либо видел (я видел это раньше!). Насколько мог видеть мой взгляд, деревья всех форм, цветов и фактур поднимались в небо и возвышались надо мной, их ветви, покрытые свинцом, с яркими листьями, складывались вместе и создавали плотный великолепный навес. Запах дерева и роз дикой природы просачивался мне в нос, переносимый холодным северным ветром, а звуки тварей и птиц создавали какофонию шума, не похожую ни на что, что я слышал раньше.

"Великолепно, не так ли?" Голос Аларика казался мне далеким, и когда я кивнула, моя голова опустилась тяжелее, чем должна была быть. Мое сердце ускорилось от волнения и опасения, которое я не мог правильно объяснить. Еще до того, как я осознал, что двигаюсь, я уже бросился вперед и в лес, восклицание Аларика прозвучало позади меня, прежде чем он бросился за мной.

Дерево и земля трещали под моим подвигом, когда я перепрыгивал через ветки, нырял под низко висящие ветки и прекрасно проводил время. Я расхохотался, когда услышал, как Аларик громыхает над особенно толстым корнем и ругается более свободно, чем я слышал «Джон, подожди!»

"Слишком медленно, Ларик!" Я хихикаю, снова прыгая вперед и обернувшись: «Ты меня никогда не поймаешь».

"Только ты - Блять!" Он плакал, пытаясь оттолкнуть ветку от своего лица, но она отскочила и ударила его еще сильнее. Я завыл от смеха и чуть не попался, когда он ушел от меня. Взрослые были несправедливо быстры с этими ногами. Я бросился налево, выйдя на открытую поляну, и

Смех застрял у меня в горле. По поляне тянулся дымящийся омут, а впереди… Белая кора. Красные листья. И титаническое лицо, высеченное в массивном дереве.

Дерево-сердце Винтерфелла стояло гордо, как и тысячи лет назад.

Смутно я слышала, как Аларик приблизился ко мне и замер, ловя взглядом то, что так меня очаровало.

«Говорят, что глаза, вырезанные на старых сердечных деревьях, — это глаза, сквозь которые

видят старые добро, чтобы они могли справедливо и справедливо судить всех, кто входит в их владения, — мягко сказал он, — и что никто не может лгать при виде сердца». дерево"

Глаза богорощи, казалось, смотрели прямо на меня.

Это было неправильно, этого не может быть, не может быть

"Это правда?" Мой голос был хриплым, а дыхание участилось. Мое сердцебиение грохотало в ушах. Не знаю, что побудило меня спросить, но я спросил: «Последняя часть. Нельзя ли лежать перед деревом Сердца?»

Затем он смотрит на меня, и его улыбка, добрая улыбка, которую я видел всю свою жизнь (какая жизнь, какая жизнь?), исчезла. В его глазах появился блеск, какими бы расфокусированными они ни были, и он говорил так тихо, что я сомневался, что он хотел, чтобы я услышал: «Я прихожу сюда каждый день в течение многих лет. Молиться богам о руководстве и скажи себе, что я поступил правильно по своим клятвам. Что я поступил правильно по тебе».

Его взгляд сосредоточился на мне: «И я лгал каждый раз».

Я отступил назад, взглянув на дерево-сердце (я знал, что это такое, еще до того, как кто-нибудь сказал мне, как это сделать?). Красные листья шуршали на невидимом ветру

А потом

Я вспомнил все.

Меня зовут... Мой первый день в школе. Мой выпускной. Моя семья.

Рука Аларика лежала на моем плече, его фигура была позади меня, когда он упал на колено, его лицо было искажено паникой, но когда он заговорил, слова не имели никакого смысла.

я все вспомнил

Мой любимый автор. Мои любимые книги. Песня Льда и Пламени

Почему почему почему почему?

Я вспомнил конец. мой конец

Я посмотрел на дерево сердца. Он смотрел назад, древний и зловещий

Меня звали Джон Сноу. И это была ложь

Я запрокинул голову и закричал .

...

Дун Дун Дун .... и теперь это начинается

http://tl.rulate.ru/book/87667/2803503